

Роман Шаров
Фурии за стеной

https://litres.ru/74736258
SelfPub; 2026

Аннотация

В холодном северном Городе, закованном в гранит и туман, умирает старый писатель - Тиресий этой гибнущей империи. Десять лет назад он написал книгу о наступающей Тьме - и был оплеван толпой. А теперь богини мщения - Эринии - материализовались наяву. Они поселились в соседней квартире.

За тонкой перегородкой слышны шаги прекрасного, как мраморная статуя, офицера - Ореста, избранного орудием Немезиды. Пока старик кашляет кровью, Орест взвешивает порох и читает тайные скрижали из подземного каземата, где закован главный бес революции.

А на мостовой уже бьет копытом вороной конь по кличке Варвар - единственный зверь, знающий дорогу от эшафота к подножию трона. Это роман-фатум о том, как предсказанный апокалипсис поселяется через стенку от своего создателя.

Роман Шаров
Фурии за стеной

ФУРИИ ЗА СТЕНОЙ

ГЛАВА 1. ПЛАТОН КАССАНДРОВ

Воздух в этом Городе состоит наполовину из болотного тумана, наполовину - из пепла сожженных иллюзий.

Я сижу под зеленым абажуром, и перо едва поспевает за ударами больного сердца. Полночь. За окном - безмолвная, придавленная снегом Столица. А в горле опять этот солоноватый, ржавый привкус…

Я подношу платок к губам: алое пятно на белом полотне расплывается медленно, как сургучная печать на смертном приговоре. Врачи называют это чахоткой. Но я-то знаю: это жжет память. Это выгорает нутро, опаленное тем морозным утром тридцать лет назад, когда меня, мальчишку, в саване смертника вывели на плац и барабанная дробь уже отсчитывала секунды до залпа солдатских ружей.

Тогда пули просвистели мимо - пришел царский указ о помиловании. Но тот, кто однажды заглянул в черные зрачки расстрельного строя, больше никогда не принадлежит земному миру. Он становится Кассандрой. Ему открывается страшное: он видит трещины в фундаменте мироздания задолго до того, как рухнет купол.

И я написал об этом. Я написал «Падение Трои».

О, как они выли! Как бесновалась тогда просвещенная публика, как брезгливо кривились критики в бархатных жилетах! «Кассандров сошел с ума! Он оклеветал наших прекрасных юношей! Он выдал за лицо эпохи горстку провинциальных безумцев, убивших товарища в темном гроте!»

Слепцы. Несчастные, глухие кроты! Они не пожелали увидеть, что в моем романе дышала сама бездна. Я показал им формулу наступающего века: равенство в рабстве, где ради всеобщей гармонии нужно вырвать язык Цицерону и ослепить Коперника; общество, где миллионы шпионят за миллионами, а на вершине этой пирамиды из костей стоит горстка бесов с ледяными глазами.

Они смеялись надо мной. А теперь?

Посмотрите в окно! Наш Кесарь - владыка половины света, повелитель ста миллионов покорных душ - травим, как заяц! По его гранитному городу гремят разрывы адских машин, в парадных залах его дворца разлетаются на куски тела часовых, а он бежит по дворцовой площади, вжимая седую голову в плечи под выстрелами револьвера на глазах у собственных онемевших подданных.

И самое чудовищное - город рукоплещет убийцам. Кровь стала модной. Террор стал элегантным. Либеральные дамы на балах замирают в сладострастном ужасе, повторяя имя Орестова - этого неуловимого «Аваддона», вождя боевой когорты.

Ко мне заходил издатель правительственной газеты, и ко-

гда я спросил его: «Если мы узнаем, что сию минуту в подвале готовят взрыв - донесем властям?» - он опустил глаза. И я смолчал. Мы не побежим. Страх перед толпой, восторгающейся палачами, оказался сильнее страха перед Богом.

Внезапно снизу, из-под арки темного двора-колодца, доносится глухой звук.

Тук. Тук. Тук.

Тяжелые копыта бьют по мерзлому булыжнику. Там, внизу, у чугунных ворот, стоит он. Вороной, исполинский скакун. Варвар.

Этот дьявольский конь уже овеян легендами: именно он унес убийц с площади, когда средь бела дня министр был заколот кинжалом. Ни одна жандармская погоня не может догнать этот летящий сгусток ночи. Говорят, Варвар чует кровь за версту.

И этот конь стоит под моими окнами.

А прямо надо мной - вернее, за тончайшей перегородкой, отделяющей мою десятую квартиру от квартиры номер одиннадцать - раздается скрип половицы.

Тяжелый, пружинистый шаг человека колоссальной силы.

Он въехал туда две недели назад. Я видел его на узкой лестнице: высокий, плечистый, с античным, высеченным из мрамора профилем и взглядом существа, начисто лишенного сомнений. Алексей Орестов. «Аваддон». Тот самый карающий ангел заговора. Он дышит со мной одним чадом лестничной клетки. Он поднимается по тем же ступеням, заде-

вая полы моей старой шинели.

За стеной тихо звякает металл. Мерный, аптекарский стук разновесов. Они взвешивают смерть. Грамм за граммом.

Но ужас сковывает мои члены не от этого звука.

Из-за стены доносится шепот. Ровный, безжалостный голос Орестова начинает читать вслух какое-то тайное послание. И каждое его слово бьет меня в висок раскаленным железом. Я узнаю эти фразы. Я узнаю этот синтаксис ненависти.

Это почерк Кроноса!

Того самого демона, что сидит на цепи в каменном мешке островной крепости, окруженной ледяными водами. Человек, с которого я списал главного злодея своего осмеянного романа. Он замурован в подземелье, но его мысль, его страшная воля просочилась сквозь гранитные стены равелина, сквозь жандармские кордоны — и теперь звучит здесь! За моей стеной! Герои «Падения Трои» ожили, явились ко мне домой и раскладывают свои бомбы у моего изголовья.

Они пришли дирижировать моей смертью.

Я не двигаюсь. Я боюсь даже вздохнуть, чтобы треск ветхих половиц под моими войлочными туфлями не выдал моего присутствия. Перо застыло над бумагой, и черная капля, сорвавшись со стального кончика, медленно расплывается по рукописи, словно клякса ночи, поглощающая еще не написанные строки о моем бедном, чистом мальчике.

А голос за стеной продолжает звучать.

О, этот голос! Молодой, сочный, благородный баритон че-

ловека, рожденного блистать на балах во дворце, декламировать французские стихи или вести кавалерийский полк на параде под восхищенные вздохи императрицы. Но интонации… Какая нечеловеческая, замогильная сухость сквозит в каждом слове! Так судьи зачитывают окончательные приговоры. Так заколачивают крышку цинкового гроба.

«…У революционера нет ни личных интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Всё в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — разрушением…»

Боже милосердный. Это же строки из устава Кроноса. Тайные скрижали ада, писанные кровью в каменном мешке равелина.

Вы только вдумайтесь в эту фантасмагорию! Человек заточен в крепости, на острове, отрезанном от мира черной водой. День и ночь у его двери стоят неграмотные солдаты, которым под страхом смерти запрещено открывать рот; жандармские генералы лично проверяют каждый сухарь, попадающий в его камеру.

Он должен был сгнить заживо, превратиться в бессловесную тень, в латинскую литеру на дверях каземата. А он? Он подчинил себе стражу! Он сделал жандармов своими почтальонами! И теперь его железная воля, преодолев гранитные бастионы и ледяные торосы, звучит здесь — в доходном доме, прямо у изголовья постели, где корчится от чахотки со-

здатель «Падения Трои».

Что это, если не мистика? Что это, если не дьявольская насмешка Истории?

Я прижимаюсь виском к холодной штукатурке. Стена дышит чужим жаром. Я слышу, как там, по ту сторону, глухо отзывается второй голос — нервный, ломкий, юношеский:

— А если Кесарь снова будет не один? Если рядом окажется племянник… мальчик?

И в ответ — ледяная, безупречная пауза. А затем слово Орестова, брошенное, точно медный пятак на дно колодца:

— Значит, падет и мальчик. История не знает жалости к семени тиранов. Смерть Кесаря должна быть абсолютной.

У меня темнеет в глазах. Приступ падучей подступает к горлу тяжелой, удушающей волной. Я хватаюсь рукой за край комода. Рука натыкается на раскрытый ящик стола.

Там лежит письмо великого князя. В нем — вежливая просьба венценосной фамилии: продолжайте роман, Платон Николаевич, даруйте Стране образ святого юноши, спасите молодежь от тлетворного морока.

Спасите… Чем спасти?! Словом? Молитвой? Когда сам воздух напоен восторгом перед топором! Когда на проспекте институтки прячут под накрахмаленными фартуками портреты террористов, а почтенные профессора в университетах шепчут: «Да, методы жестоки, но цель… какова святая цель!»

Я медленно, на цыпочках, подхожу к окну и отвожу тяже-

лую пыльную портьеру.

Внизу — каменный мешок двора. Фонарь на деревянном столбе едва мерцает, облепленный колючей крупкой метели.

И там, в желтом круге света, стоит конь.

Варвар.

Он огромен. В его очертаниях есть что-то античное, свирепое, от тех коней, которых древние впрягали в колесницы бога войны. Черная, как вороненая сталь, лоснящаяся шерсть. Сухие, мощные ноги. Из раздутых ноздрей с шумом вырываются два столба белого пара — кажется, будто конь дышит подземным пламенем. Он не привязан. Он не бьет копытом, не прядет ушами — он стоит недвижно, как изваяние, словно знает: его час еще не пробил, но он придет.

Вдруг конь поворачивает свою тяжелую, горбоносую голову.

Его глаз — лиловый, выпуклый, лишенный белка зрачок — на мгновение ловит отблеск моей зеленой лампы на третьем этаже. Он смотрит прямо на меня.

Дрожь прошивает меня от затылка до пят. Этот конь… он ведь не просто зверь. Это плоть самого Фатума. Это он нес убийц через ликующий город, это его копыта будут выбивать искры из торцов, когда на набережной разорвется снаряд, и — видит Бог! — в его же упряжке повезут во дворец истекающее кровью тело последнего венценосца.

Сзади, за стеной, вдруг воцаряется абсолютная, мертвая тишина.

Чтение оборвалось. Металлический звон стих.

А через секунду — на темной лестничной клетке раздается звук, от которого кровь стынет в жилах.

Тихий, вкрадчивый щелчок взводимого револьверного курка. Прямо у моей входной двери.

Они поняли, что их слушают? Или на лестницу поднимается кто-то третий?

Мои ноги сами несут меня в темную прихожую.

Каждый шаг отдается в висках ударом колокола. В доме стоит та особенная, стеклянная тишина, какая бывает только перед катастрофой. В прихожей пахнет промозглым сквозняком — и вдруг меня пронзает ледяная догадка: задвижка! Дверь не заперта.

Я протягиваю дрожащую руку к замку — и в этот самый миг медная ручка сама, без малейшего скрипа, медленно ползет вниз.

Холодный сквозняк с лестницы бьет в лицо, пахнуло керосиновой гарью, уличным снегом и оружейной смазкой. Дверь распахивается настежь.

На пороге стоит он.

Боже мой, какая страшная, ослепительная красота порока… В полумраке лестничной клетки его фигура кажется колоссальной, высеченной из темного каррарского мрамора. Широкие плечи гвардейца, распахнутое драповое пальто, точеный, безупречный овал лица — тот самый античный профиль, о котором вздыхали светские львицы в салонах.

Но глаза… Глаза абсолютно мертвые. В них нет ни злобы, ни ярости — в них плещется бездонная, сытая пустота человека, давно перешагнувшего через кровь. В правой руке, опущенной вдоль бедра, тускло поблескивает вороненая сталь тяжелого шестизарядного револьвера. Курок взведен.

Мы замираем друг напротив друга.

Вы только вдумайтесь в эту немую сцену! Две эпохи, две русские бездны сошлись лицом к лицу в тесной прихожей доходного дома. С одной стороны — я: дряхлеющий, задыхающийся старик в засаленном байковом халате, вымоливший прощение на плацу, пытавшийся своим словом спасти империю от падения. С другой — он: прекрасный двадцатипятилетний палач, новый бог наступающего века, держащий в руке смерть.

Я жду выстрела. Я готов к нему. В конце концов, это было бы в высшей степени справедливо — погибнуть от пули персонажа собственной книги.

Но Аваддон не стреляет.

Он делает бесшумный, хищный шаг вперед, переступая мой порог, и свободной левой рукой притягивает дверь за собой, оставляя лишь узкую щель.

Его дыхание ровное, спокойное. Взгляд его скользит по моему лицу, по сжатому в кулаке окровавленному платку, по зеленому свету лампы, падающему из кабинета на разбросанные рукописи. На его губах мелькает бледная, едва уловимая тень усмешки. Трагической усмешки.

Он знает меня. Он узнал меня сразу.

Снизу, с нижних маршей парадной лестницы, доносится глухой, едва различимый металлический лязг. Так звучат ножны жандармских палашей, неосторожно задевшие чугунные перила. Облава.

Орестов не оборачивается. Он смотрит прямо мне в зрачки, и его голос звучит низким, бархатным, завораживающим шепотом — шепотом, от которого по спине бегут мурашки:

— Тихо, учитель. Дышите ровнее.

Он резко расстегивает борт своего пальто. Но вместо бомбы или кинжала он достает из внутреннего кармана увесистый, тугой сверток, наглухо зашитый в черную вощеную клеенку. От свертка исходит отчетливый, едкий запах карболки и сырого тюремного камня.

Орестов делает шаг вплотную ко мне. Его пальцы — сухие, горячие, железные — смыкаются на моем запястье, и он с силой вжимает этот холодный черный сверток мне в грудь.

— Прячьте, — шепчет он, и в его мертвых глазах на долю секунды вспыхивает нечто похожее на дьявольский восторг. — Сюда они не посмеют войти без личного повеления Кесаря. Не посмеют потревожить великого писателя земли русской… А здесь — подлинник. Все послания Кроноса из равелина. Все схемы последнего удара. Вы ведь искали развязку для своего нового романа, Платон Николаевич? Примите же ее из первых рук.

Снизу скрипит первая ступенька третьего этажа. Жандар-

мы уже здесь.

Орестов отпускает мою руку, легко, по-кошачьи поворачивается к дверному проему и поднимает револьвер на уровень груди.

— Если закричите — умрете раньше, чем они поднимутся, — бросает он, даже не глядя на меня. — А если смолчите… увидите, как падет Троя.

Дверь бесшумно захлопывается за его спиной. Я остаюсь в кромешной тьме своей прихожей. В моих ослабевших руках лежит черная клеенка — тяжелая, как могильная плита. А за дверью, на узкой площадке, раздается первый хриплый окрик:

— Именем Закона! Стой!

И вслед за этим — сухой, оглушительный грохот револьверного выстрела, разорвавший тишину ночи.

ГЛАВА 2. АЛЕКСЕЙ ОРЕСТОВ («АВАДДОН»)

Пороховой дым на вкус горький, как миндаль.

Первый рухнул мгновенно — пуля вошла аккурат под козырек форменной фуражки, и сыщик повалился навзничь, даже не успев вскрикнуть, выбивая затылком глухую дробь из деревянных ступеней. Его револьвер звякнул о чугунные перила и заскакал вниз, в темноту.

Тишина разорвалась. Снизу донесся сдавленный мат, щелканье взводимых курков, суматошный топот подкованных сапог.

Они думали, я брошусь наверх.

Они были уверены, что загнали зверя: любой загнанный волк побежит на чердак, чтобы там, забаррикадировавшись среди пыльных сундуков и бельевых веревок, принять бессмысленную смерть или сигануть на скользкую жесть петербургской крыши. Жандармская наука проста, как устав караульной службы.

Но я учился войне не по их учебникам. Я окончил лучшее военное училище империи с золотым клинком; меня учили наступать там, где враг ожидает отступления. А главное — я не боялся умереть. Человек, добровольно отдавший свою жизнь на заклание идее, превращается в бога. Пули огибают того, кто идет им навстречу с распахнутой грудью.

Я шагнул в пролет, держа револьвер на вытянутой руке.

В темноте парадного блеснули обнаженные жандармские шашки. Трое. Молодые, осанистые парни, чьи-то сыновья, пахнущие казарменной кашей и дешевым табаком. Бедные служебные тени, возомнившие себя защитниками трона.

Один из них вскинул карабин — я выстрелил первым, не целясь, по наитию. Вспышка озарила побеленные стены, на мгновение выхватив оскаленные лица. Солдат охнул, выронил оружие и схватился за плечо. Я не стал дожидаться ответа: перемахнув через перила полукруглого марша, я всем своим весом, всеми девяноста килограммами литых мускулов обрушился прямо на двоих оставшихся.

Это была не схватка — это было сокрушение.

Удар рукоятью револьвера в челюсть одного, короткий, сокрушительный тычок сапогом под колено второго — захрустели кости, и оба покатились по ступеням, сбивая друг друга. Лезвие шашки полоснуло по рукаву моего драпового пальто, распустив сукно, но даже не оцарапав кожу.

В барабане оставалось два патрона. Более чем достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.